

Чжао Еси стоял на четвереньках на ковре возле кровати, онемев от ужаса. Будь он персонажем аниме, от него остался бы один лишь блёклый контур. Дверь в новый мир распахнулась настолько внезапно, что он чувствовал себя так, будто получил хлесткую пощёчину.

Ну зачем, зачем его понесло искать физиологические подробности секса между мужчинами? Можно ли оформить возврат на эти «дополнительные функции» Омеги?!

Еси никогда не влюблялся — ни в девушек, ни в парней. Он искренне считал себя убеждённым натуралом, а всё представление о гей-культуре почерпнул от Тао Цяошэна, который был геем от природы. Цяошэн, хоть и отличался взбалмошным характером, слишком интимные темы с Еси не обсуждал. Тот лишь смутно знал о делении на пассивов и активов да о том, что их отношения мало чем отличаются от обычных гетеросексуальных пар. А уж о том, как физиология справляется с ограничениями мужского тела в постели, Еси и подавно никогда не задумывался!

И вот только что какой-то доброжелательный аноним на форуме поделился личным опытом, вывалив на Еси исчерпывающий ликбез:

«Доброжелательный пользователь: Я чистый пассив, полмесяца назад выяснилось, что я вторично дифференцировался в Омегу, а мой парень — в Альфу. Это буквально лучшее, что произошло со мной за все двадцать с лишним лет!

Я довольно чувствителен к боли, поэтому во время "поездов" нам часто приходилось останавливаться и добавлять смазку, что ужасно портило весь настрой. Парень меня жалел, боялся навредить, так что до самого дела доходило редко.

Но стоит дифференцироваться в Омегу — и эти проблемы испаряются! Машина сама выделяет смазку, запаса хода теперь вдвое больше, да и мне совсем не больно. Частота "поездов" выросла с одного раза в неделю до ежедневных гонок, а то и чаще, и я вообще не чувствую никакой нагрузки! В общем, скажу одно: второй гендер — это просто пушка!»

Появление второго гендера напрочь сносило физиологические барьеры между однополыми парами. Для влюблённых это, конечно, благо, но по отношению к армии обычных натуралов — сущая несправедливость! Неудивительно, что Кузен говорил, будто больше всего психологических загонов возникает именно у женщин-Альф и мужчин-Омег. Представить только: если бы Еси однажды обнаружил, что у него сзади... выделяется какая-то влага, он бы наверняка скончался от шока прямо на месте.

О небеса, да обменяйте вы его телом с Тао Цяошэном! От такой идеальной функции для роли пассива тот бы просто слюной изощёл от зависти.

Лу Хуанжи весь день провёл дома — на случай, если Еси неожиданно потребуется помощь. Хэ

Яньчжао тегнул его в общем чате Вичата, пожаловавшись, что вчера тот ушёл прямо в разгар празднования своего дня рождения, так что сегодня обязался искупить вину.

Хуанжи ответил коротко:

«Занят, у меня сверхурочные».

Чисто теоретически, забота о младшем сокурснике в период восприимчивости тоже создавала категорию сверхурочной работы. Причём из той категории, за которую ты сам с радостью готов доплатить.

Ближе к обеду Лу Хуанжи собрался навестить в квартиру напротив, чтобы узнать, как себя чувствует Чжао Еси, и заодно спросить, чего тот хочет поесть. Но едва он открыл дверь, как в коридоре раздался голос курьера:

— Здравствуйте, ваша доставка!

Взглянув на пакет, где красовалась надпись «Каша», Хуанжи мысленно отметил, что старший сокурсник оказался куда самостоятельнее, чем казалось. В этот момент дверь напротив приоткрылась, и из неё высунулся Еси. На нём была пушистая пижама в чёрно-белое пятнышко, точь-и-точь как шкура коровы, а лицо пылало таким густым румянцем, словно у школьника, пойманного за просмотром порнографии.

— Старший сокурсник? — Лу Хуанжи шагнул к нему. — Ты случаем не...

[0037] Еси замер на мгновение, после чего стремительно выхватил кашу из рук опешившего курьера и с грохотом захлопнул дверь.

Лу Хуанжи лишь молча остался стоять в коридоре.

Хуанжи ждал с утра до самого вечера, но Еси так ни о чём и не попросил. Похоже, укуса, сделанного в машине, хватило надолго.

Перед сном Лу Хуанжи выкрутил громкость звонка и вибрацию на максимум. Однако среди ночи его разбудил вовсе не телефон — в дверь непрерывно и настойчиво звонили.

Лу Хуанжи спросонья обычно бывал раздражительным. Открывая дверь, он ещё толком не успел протереть глаза, как ему в грудь с размаху врезался мягкий пушистый комок.

Хуанжи обомлел.

Еси так и не снял свою пятнистую пижаму; даже от его волос исходил явственный густой аромат Сырного персика. Вцепившись в домашнюю одежду Хуанжи, он свирепо потребовал:

— Ты какого хрена так долго?!

Лу Хуанжи постепенно пришёл в себя, хотя сердце всё ещё выстукивало сумасшедший ритм. Старший сокурсник в его руках казался нежным и мягким, точно сахарная вата. Почувствовав, что тот начинает сползать вниз, Хуанжи подхватил его крепче и удержал в объятиях.

— И сколько же ты прождал?

— Целую... целую минуту!

Хуанжи не сдержал улыбки:

— Действительно, вечность. Мой косяк. А почему не позвонил?

Еси жадно вдыхал его запах, хотя тон его оставался всё таким же язвительным:

— Ты живёшь прямо напротив, какой к чёрту телефон!

Лу Хуанжи ввёл его в квартиру:

— Совсем плохо?

— А сам как думаешь! — Еси развернулся, упёрся руками в дверь и полностью открыл перед Лу Хуанжи свою шею. — Быстрее, Лу Хуанжи, укуси меня!

Взгляд Хуанжи прикипел к железе Еси. След от предыдущего укуса всё ещё чётко выделялся на коже, похожий на оставленное им клеймо. И чем ближе он подходил, тем гуще становился шлейф омежких феромонов.

В голове снова всплыло слово «Метка». Вспыхнувшее где-то в глубине душевное, властное желание единолично обладать этим человеком Лу Хуанжи силой воли подавил в то же мгновение.

Мучимый жаром Еси терял остатки терпения. Не выдержав, он оглянулся:

— Ты можешь побыстрее?! Мне паршиво...

Лу Хуанжи взял себя в руки и произнёс:

— Давай сменим позу.

—?

— Боюсь, у тебя ноги подкосятся и ты не устоишь.

— Сам ты подкосишься! — огрызнулся Еси скорее по привычке, хотя прекрасно понимал: во время метки у него действительно отнимаются силы. К тому же в момент впрыска феромонов накатывает короткая головокружительная слабость. — Тогда на диван?

С этими словами он прошёл в гостиную и уселся.

Хуанжи усмехнулся:

— Ты сидишь слишком прямо, мне так не добраться. Ложись, ладно?

— Сколько от тебя мороки... — пробурчал Еси.

Еси уткнулся лицом в подушку, растянувшись на диване. Лу Хуанжи присел рядом. Еси снова почувствовал себя поросёнком на разделочной доске — на этот раз жареным.

— Ну, теперь-то готово?

— Угу, — отозвался Хуанжи.

Оперевшись руками по обе стороны от тела Еси, он навис над ним и медленно наклонился.

Пряди волос на лбу Хуанжи щекотно коснулись шеи. Еси внезапно спохватился:

— погоди!

Хуанжи замер:

— Что такое?

— Видео, — напомнил Еси. — Мы же обещали записать процесс для Осторожно, медведи!.

Лу Хуанжи потерял дар речи:

— Ты реально собрался ей это показывать?

— А что такого? — Записать короткий ролик процесса постановки метки — делов-то.

— А ты щедрый, — тихо произнёс Хуанжи.

— При чём тут щедрость? Это всё равно что снять на видео, как тебя укусила собака на улице, просто чтобы проверить запись!

Сравнение с собакой Лу Хуанжи ничуть не задело. Он лишь невозмутимо уточнил:

— Ты уверен, что хочешь показывать кому-то выражение своего лица, после того, как я тебя помечу?

Еси недовольно задумался:

— Ну... может, заблюришь наши лица?

—... Лучше молчи.

Старший сокурсник абсолютно не понимал, что на самом деле кроется за понятием «Метка» — хотя и у самого Хуанжи представление об этом оставалось достаточно смутным.

Впрочем, испытав это ещё пару раз, тот наверняка всё поймёт.

Губы, пахнувшие грейпфрутом, прикоснулись к шее Еси. В отличие от прошлого раза, Лу Хуанжи не стал сразу вонзать зубы: сначала он ласково провёл языком по старой отметине, дождался, пока тело под ним расслабится, и лишь затем неторопливо прокусил кожу, впрыскивая свои феромоны.

— М-м-м...

Их феромоны сплелись и затопили комнату. Постепенно густые сливочные ноты Сырного персика перекрыли и сочную персиковую сладость, и терпкий грейпфрут.

Лу Хуанжи чувствовал себя так, будто погрузился в нежную сырную пенку — сладкую,

одурманивающую, липнувшую к нему точно дурной навес. Сбросить эту сладость он не мог, да и не желал.

Когда временная метка была поставлена, Еси так и остался лежать без сил, смежив веки. Хуанжи поднялся первым:

— Я в ванную.

Он долго умывался холодной водой, выжидая, пока уляжется внезапный телесный отклик, и лишь затем вернулся в гостиную.

Еси уже и след простыл.

Оглядев пустой диван, где только что отлёживался старший сокурсник, Лу Хуанжи пришёл к однозначному выводу: он действительно здесь просто Человек-инструмент.

Чжао Еси, окутанный терпким шлейфом грейпфрута, с чувством глубокого удовлетворения отправился в постель. Период восприимчивости у Омег обычно длился около трёх дней — в зависимости от организма. Укуса Хуанжи должно было хватить, чтобы спокойно пережить завтрашний день, а если повезёт, то послезавтра он уже вернётся к работе.

Экран телефона у подушки вспыхнул. Пришло сообщение в Вичате от Лу Хуанжи.

«Хуан: Использовал и сбежал? (Улыбочка)»

[Вы перевели пользователю «Хуан» 30 000 юаней]

«Я настоящий мачо: Хватит?»

«Хуан:..»

«Хуан: Как себя чувствуешь?»

«Я настоящий мачо: Нормально, но завтра всё равно придётся взять отгул.»

«Хуан: Может, мне тоже взяться за отгулы? А то ещё прибежишь ко мне в кабинет за новой порцией.»

«Я настоящий мачо: Обойдётся! Пиздуй на работу.»

Еси помнил, что завтра намечалось важное совещание по исследовательской программе Хуанжи, так что присутствие того было обязательным.

«Я настоящий мачо: Даже если будешь там, хрен я тебя подпущу.»

Лу Хуанжи помедлил с ответом, затем написал:

«Хуан: Я оставлю тебе ключи. Можешь побыть у меня.»

«Я настоящий мачо:?»

«Хуан: В моей квартире остался стойкий запах феромонов. Тебе станет легче.»

«Я настоящий мачо:... Всё, я спать.»

На следующий день Лу Хуанжи на работе витал где-то в облаках. Впрочем, даже несмотря на рассеянность, на совещании он выступил безупречно: Гун Цзюжэнь сколько ни пытался подловить его, так и не нашёл, к чему придраться.

После встречи Цзюжэнь с кружкой воды в руках якобы невзначай прошёл мимо рабочего стола Хуанжи:

— А Еси сегодня взял отгул, да?

Лу Хуанжи даже глаз не поднял:

— Угу.

— Наверное, период восприимчивости, — протянул Гун Цзюжэнь. — Хорошо, что сейчас затишье. А вот если бы пик пришёлся на аврал...

— Он прекрасно справляется со своей работой, — холодно отрезал Лу Хуанжи. — А если потребуется помощь — у него есть я. Ещё вопросы?

— Никаких, — Гун Цзюжэнь снисходительно улыбнулся. — Что ж, желаю успешной реализации твоей программы.

Лу Хуанжи задумчиво крутил в пальцах ручку, глядя на пустовавшее напротив кресло. Он уже собирался отправить сообщение, когда экран телефона ожил сам.

«Я настоящий мачо:.»

«Хуан:?»

«Я настоящий мачо: Слушай, а можно я поиграю в твою приставку?»

Губы Хуанжи тронула улыбка.

«Хуан: Играй.»

«Я настоящий мачо: А снэки? Можно пожевать твои запасы?»

«Хуан: Много не ешь.»

Как только стрелка часов коснулась шести вечера, Хуанжи мгновенно испарился — коллеги даже толком не успели сообразить, куда он делся. Заскочив в ресторан за двумя порциями еды и захватив пару стаканов Сырного персика, он устремился домой. Обычно дорога от института до комплекса занимала минут пятнадцать, но сегодня он преодолел её за десять.

В квартире Хуанжи Еси всё так же восседал в своей пятнистой пижаме. Накинув капюшон с ушками, он устроился с ногами прямо на полу перед телевизором, окружённый горой раскрытых пачек со снэками. В руках он сжимал геймпад, а изо рта торчал ломтик чипсов.

Услышав скрип открывающейся двери, Еси на миг перестал жевать, повернул голову и встретился взглядом с вошедшим Хуанжи.

Не переставая хрустеть, он промямлил с набитыми щеками:

— Пришёл?

Лу Хуанжи почувствовал, как шкала его здоровья мгновенно опустела до нуля.